

The background of the cover is a white, textured surface, possibly snow or a light-colored fabric, with numerous small, dark, needle-like fibers scattered throughout. Large, irregular splatters of a dark red color, resembling blood, are scattered across the white background. In the center, there is a cluster of autumn leaves in shades of orange, yellow, and brown. The leaves are partially covered by the red splatters.

Мурадис
Салимханов

**ПЕРВЫЙ
СНЕГ**

Мурадис Салимханов

Первый снег

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48498360

Первый снег: Алгоритм; М.; 2018

ISBN 978-5-907255-29-6

Аннотация

Автор – профессиональный адвокат, Председатель Коллегии адвокатов Мурадис Салимханов – продолжает повествование о трагической судьбе сельского учителя биологии, волей странных судеб оказавшегося в тюремной камере. Очутившись на воле инвалидом, он пытается строить дальнейшую жизнь, пытаясь найти оправдание своему мучителю в погонах, а вместе с тем и вселить оптимизм в своих немногочисленных знакомых. Героям книги не чужда нравственность, а также понятия чести и справедливости наряду с горским гостеприимством, когда хозяин готов погибнуть вместе с гостем, но не пойти на сделку с законниками, ставшими зачастую хуже бандитов после развала СССР.

Чистота и беспредел, любовь и страх, боль и поэзия, мир и война – вот главные темы новой книги автора, знающего систему организации правосудия в России изнутри.

Мурадис Салимханович

Салимханов

Первый снег

© Салимханов М.С., 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

* * *

С неба падал снег. Большие пушистые багровые хлопья, медленно кружась, опускались вниз, тая, не успевая коснуться кроваво-красной земли. Учитель удивленно огляделся вокруг, машинально подставив ладонь под падающую снежинку, словно желая спасти её, и с огорчением увидел, что она превратилась в капельку крови; страх сковал тело, которое отказывалось слушаться, но все же учитель поднял голову и огляделся, он стоял на огромном красном плато, босые ноги по самую щиколотку утопали в теплой мелкой красной пыли, непрерывным красным ковром покрывавшей все вокруг. Рядом шли люди, сотни, тысячи людей, они понуро брели к уступу, возвышавшемуся над красным плато, словно огромная ступень в несколько сотен человеческих ростов. Повинуясь неведомому зову, он пошел за ними, чувствуя, что надо идти к уступу и к тем странным лестницам. Тишина скор-

би висела в воздухе, он шел и боялся приблизиться к этим неизвестным людям, большим и маленьким, толстым и худым, старым и молодым. Все, как и он, шли к краю долины, заканчивавшейся отвесной скалой, уносящейся ввысь. Дойдя до края, он осмелев поднял голову и осмотрелся; множество лестниц, прислонённых к краю уступа, исчезали за краем уступа. И почему-то каждый знал свой путь и свою лестницу, ведущую вверх. Вереницы выстроившихся у каждой из лестниц людей поднимались вверх и, казалось, исчезали за краем выступа. Сколько бы ни вглядывался, он никак не мог разобрать их лиц. Люди поднимались по ним, но что-то временами падало вниз, и под лестницами образовались кучи каких-то бесформенных предметов, образовавшие небольшие пирамидки, но, что там в этих кучах, разглядеть он тоже не смог, сколько бы ни старался, хотя они были достаточно близко. Пройдя мимо них, он увидел крайнюю лестницу, стоявшую поодаль от остальных и у которой не было ни единой души. Он понял, что это его путь и что надо подниматься по ней и, наступив на перекладину, начал подъем. Довольно легко взобравшись на уступ, он огляделся, но впереди за плотным туманом ничего не было видно; несколько растерявшись он повернул голову направо, и у него захватило дух от увиденного; черная стена невероятной высоты, уходящая куда-то ввысь и на которой были нанесены странные письмена. Он пытался прочесть их, вглядываясь и перебирая в памяти все, что знал, но видел что-то вроде иероглифов, не

похожих ни на какие другие, что он видел раньше. Стройные ряды древних знаков заполняли стену снизу доверху, образуя какой-то невероятный узор, исчезавший там, где уже не доставал взгляд. Он огорченно подумал, что ему никогда не прочесть эти странные письма, когда ему внезапно пришла в голову мысль, что нельзя подходить к этой стене, и, переборов любопытство, он отошел от стены и шагнул в туман. Сделав шаг, он оказался у небольшого дома, типа того, что можно увидеть в любом селе или городе, небольшой, с острой крышей и двумя окнами, выходящими на улицу. Войдя внутрь, он увидел в комнате сидящего за столом человека, и как подсказывало что-то, ожидавшего его. Сев напротив, он взглянул ему в лицо, и поздоровался;

– Салам алейкум, Махмуд!

– Ва алейкум салам, Мазгар. Зачем ты хотел видеть меня?

– Не знаю, наверно, переживал за тебя, думал, правильно ли я поступил, лишив тебя жизни. Я желал, как лучше, и это не дает мне покоя. Я хочу, чтобы ты помог мне снять камень с моей души. Не проходит и дня, чтобы не вспоминал о тебе. Я ведь задушил тебя, помнишь?

– Помню, но у меня нет на тебя зла, и я не держу на тебя обид. Ты помог мне уйти без боли. Спасибо. Мне здесь хорошо, намного лучше, чем там.

– А здесь ад или рай?

– Здесь нет ада или рая, здесь, наверно, продолжение того, что вы называете жизнью у себя.

– А как же, – тут он запнулся, выбирая слово и подобрав, как ему казалось, подходящее, спросил: – недобрые люди? Они тоже здесь?

– Здесь нет понятия добра или зла, к которому ты привык у себя, сюда приходят те, кто прошел испытание.

– Какое испытание?

– Испытание жизнью, той, что ты прожил, и если ты прошел его, ты оказываешься здесь, если нет, то ты попросту исчезаешь, словно тебя никогда не было.

– А как же мучения, расплата за грехи, или награда за мучения? Все то, о чем нам твердят с детства. Я ничего не пойму.

– Для чего они, если у тебя была возможность исправить ошибки там? Тебе, может быть, и трудно это принять, но то, что тебя сотрут, словно тебя никогда не было, гораздо хуже, чем какие-то мучения.

– А разве Тот, кто все это создал, ошибается в своих созданиях?

– Он не ошибается, он дает тебе свободу, самостоятельность, право выбора поступить так, как ты хочешь, ты сам принимаешь решения, и ты сам отвечаешь за них. И когда приходит время, ты узнаешь себе цену. Свечу можно зажечь и точно также можно задуть.

– Тогда зачем Ему мы? Разве миры не будут в покое и спокойствии без тех бед, что причиняют люди друг другу и вообще всему живому? И разве меня спрашивали, хочу ли я

родиться человеком? Хочу ли я прожить жизнь, полную горя и страданий, раздираемый разными инстинктами, мечущийся между совестью и страданием, между желаниями и запретами, между добром и злом?

– Ты рассуждаешь как человек, не так как мы здесь. То, что тебе привычно и понятно у вас там, здесь имеет другой смысл. Это трудно понять, к этому надо прийти. К сожалению, я не смогу тебе объяснить всей разницы. Представь себя на минутку яичным желтком, будущим цыпленком, который еще не вылупился из яйца, и при этом я буду объяснять тебе, что такое мать, отец, дождь, зерно, зеленая трава, солнце на небе или первый снег. Разве пчела, собирающая мед, знает о существовании и помыслах пасечника? У тебя нет средств понимания того, что я мог бы тебе рассказать.

– Ты не ответил на мои вопросы.

– Я не могу на них ответить, для каждого есть свой ответ, свое решение.

– Ну хорошо, ответь хотя бы на один: я свободен от рождения или нет?

– Все люди свободны, по крайней мере, рождаются свободными, а в цепи заковывают они себя сами.

– А почему ты не спросишь, хочу ли я пройти это испытание жизнью? Увидеть другой мир, куда опять меня пригласят без моего согласия.

– Пригласят, если пройдешь путь, а принять или нет, все зависит от тебя. Пустота всегда кажется глубже, чем есть на

самом деле, у нее всегда есть начало и есть конец. Безгранична только любовь и доброта. С того момента, как появится на свет, человек предоставлен самому себе, и он знает, что за стремлением выжить любой ценой стоит понимание того, что за цену эту надо будет платить. Твои поступки идут вместе с тобой, движут тобой, направляют тебя, ставят тебя перед выбором принимать решения, приводящие тебя в итоге к какому-то результату, и дело вовсе не в том, что выиграет – хорошее или плохое, а совсем в другом.

– В чем же это? Я всегда думал, что должно победить либо тело, либо дух, и потом, все в разных условиях, кто-то беден, а кто-то богат, кто-то умен, кто-то нет, люди слишком разные и поступают по-разному даже в абсолютно одинаковых ситуациях.

– Нет. Это не совсем так. Победа одного – это всегда поражение другого. Нет абсолютного добра или абсолютного зла, ты сам это знаешь. Человека должно привести к внутреннему согласию – примирению, взаимным уступкам, пониманию самого себя, и нет ничего плохого в том, что одни умнее других или одни успешнее, а другие нет. Дело в поступках, в тех, что умный обязан понять свое преимущество и обратить его в том числе и в пользу других, сострадать ближнему как себе, сильный не должен использовать преимущества во вред слабым, богач не должен угнетать бедных, превращая свое преимущество в инструмент подавления, все это очень просто и миллионы раз уже сказано. Ты не первый, кто здесь,

и не последний, и каждый в меру своего понимания пытается донести до остальных услышанное. Те лестницы, которые ты видел и по которым поднимаются сюда, они разной длины для каждого, хотя кажутся одинаковыми со стороны, и многие не проходят этот путь, срываясь вниз и становясь кучей ненужного хлама.

– А как узнать, когда уступить, а когда нет, когда отказаться, а когда пойти на встречу? Это ведь сложно.

– А ты слушай свое сердце, не дай ему стать глухим.

Учитель задумался, откуда-то появилось острое чувство голода, и тут он вспомнил, что давно не ел.

– У тебя нет тут ничего поесть?

– Есть. – Махмуд встал из-за стола и вышел из комнаты, вскоре он вернулся с тарелкой, наполненной разными сладостями, и положил на стол. Учитель взял кусок халвы и надкусил.

– Совсем даже невкусно, – сказал он, – тут нет ничего другого?

– Не забывай, здесь другой мир, – ответил, усмехнувшись, Махмуд, – и вообще, тебе надо назад...

– Есть пульс! Дышит, – сказал кто-то, и через мутную пелену учитель разглядел увидел склонившихся над ним людей в медицинских масках.

– Уф-ф-ф, – сказал один из них, – я уже думал, все! Давайте его в палату и подключите контрольную аппаратуру. Постепенно он приходил в себя, вспоминая, что неделю на-

зад лег в эту клинику, где ему должны были сделать операцию. Через полчаса его перевезли в свою палату, и врач, который ставил ему капельницу, рассказывал медсестре о том, что учитель родился в рубашке и редко кто после одиннадцати минут клинической смерти приходит в сознание, а тут прямо случай для медицинского журнала, затем проверил датчики на запястьях и на груди, поцокал языком, потрогав заживавшие шрамы на груди, и ушел. Он огляделся, заметил, что в палате еще несколько коек с больными подключенными к медицинской аппаратуре. Ему хотелось есть, и когда пришла медсестра с теплым куриным бульоном, в котором совершенно не было соли, и в который в другое время добавил бы хотя бы щепотку, прежде чем приступить к еде, он тем не менее с удовольствием съел все и заснул.

Утром во время обхода его лечащий врач отметил заметное улучшение состояния пациента и обещал учителю, что если все так будет идти и дальше, то через пару недель его можно будет выписать домой. И добавил: «А ты счастливчик, в рубашке родился. Мало того, что мы удалили полтора метра кишок, перенес клиническую смерть, а теперь выздоравливаешь с опережением графика».

– Домой? – подумал учитель. – Был бы он у меня, наверное, раньше выписался бы, но мне в принципе некуда идти и не к кому. – Но, чтобы не смущать врача, поблагодарил его за квалифицированно проведенную операцию.

«Человек без имени» долго не мог прийти в себя от того, что его вот так просто освободили. Когда майор вывел его на улицу и показал направление куда идти, он все еще думал, что это провокация, решил, что его просто вывели и пристрелят, как за попытку к бегству. Было уже очень поздно, вдоль улицы, на которую его вывез майор, тускло горели фонари уличного освещения, не видно было даже редких прохожих, загулявших по какой-то причине или задержавшихся в гостях, с моря дул порывистый ветер и, поеживаясь от холода, он ясно осознал, что это свобода, и не верил своей удаче, понимая, что майор мог его пристрелить, и не выводя за ворота тюрьмы; от мыслей его отвлек майор:

– Эй ты, – обратился он к бывшему заключенному, – смотри сюда, – и, порывшись в нагрудном кармане, достал мятую тысячерублевую купюру, и протянув, сказал: – на, тебе на такси хватит.

– А где учитель? – спросил он в ответ.

– Зачем он тебе? Он в безопасности, и вообще держись от него подальше, и вообще ты остался в живых благодаря ему. – Бывай!

Сказав это, майор сел в машину и уехал, даже не пожелав доброго пути хотя бы для приличия, обдав его теплым воздухом нагретого мотора, перемешанного с запахами мо-

торного масла и бензина. Когда машина скрылась за поворотом, он медленно побрел в направлении, указанном майором. Раны на ноге уже затянулись и почти не напоминали о себе, но он, зная, что не желательно давать нагрузку на незажившие мышцы, неторопливо брел вдоль обочины, стараясь беречь силы. Через какое-то время его обогнала маршрутка, и водитель, притормозив возле него, бодро сообщил ему: «Двадцать рублей до автостанции, едешь?» – «Давай», – ответил он, и через полчаса уже сидел в придорожном кафе возле автостанции, внимательно изучая меню, прикидывая свой бюджет из девятистот восьмидесяти рублей и сопоставляя его с открывающимися при этом возможностями. Наконец, он сделал выбор, который объективировался в кассовый чек на сумму около двухсот сорока рублей. Заплатив деньги и подождав, пока официант принесет еду, он стал думать о том, как быть дальше. Он еще раз оглядел помещение кафе, посетителей, несмотря на раннее время, было много, какой-то мужик сидевший за дальним столиком с двумя закутанными в платки женщинами показался ему знакомым, но он не мог вспомнить, кто это и где его раньше видел, затем, решив, что это ему показалось, вновь углубился в размышления. Вернуться к своим было бы глупо, думал он, дважды судьба такого подарка не преподнесет, идти к близким родственникам – опасно, могут донести, если не они, то соседи уж точно. И тогда – пиши пропало. Остаться на автостанции тоже риск, и причем серьезный, за то

время, пока он здесь, уже дважды прошел наряд милиции. Глаз у них наметанный, и сразу определяют, что больше двух-трех часов без дела околачивающийся на автостанции человек либо вор-карманник, либо еще какой правонарушитель, и неминуемо подойдут с расспросами, а у него ни документов, ни денег, чтобы откупиться. Вскоре официант принес на подносе еду и, расставив все на столе, ушел, забрав чаевые – целых двадцать рублей. И человек вновь погрузился в раздумья.

– Который час? – оторвавшись от раздумий, спросил он официанта.

– Шесть тридцать, – ответил тот, удивленно посмотрев на него.

Поняв, что сплеховал, и понимая, что надо что-то сказать, ведь сегодня почти не встретишь человека без мобильного, если конечно, он не глубокий старец, он, улыбнувшись, сообщил он официанту: «Батарейка села».

– А-а-а, – понимающе протянул тот и побежал с подносом дальше.

Наконец, он вспомнил своего дальнего родственника, который жил на окраине города и, если старик еще жив, думал он, то у него можно некоторое время перекантоваться. Выходя из кафе, он спросил у официанта, как проехать на улицу Юных Пионеров, тот ему объяснил, что надо перейти дорогу и сесть на маршрутное такси номер пять или семь, а там уже водитель высадит, где надо. Он вышел из кафе и, перей-

дя дорогу по пешеходному переходу, встал у края проезжей части и поднял руку, когда увидел приближающуюся маршрутку с табличкой «семь» на лобовом стекле. Заплатив водителю, он попросил его остановить, когда будут проезжать улицу Юных пионеров, и поудобнее устроился на сидении за спиной водителя. Из дрёмы его вывел зычный голос водителя: «Кто просил Юных пионеров?» – «Я», ответил он и, поблагодарив водителя, вышел из маршрутки. Заметив табличку на стене углового дома, он пошел вверх по улице, свернул в переулок и вскоре оказался у нужного дома. Ветхий забор из шлакоблоков, облепленный вьюнком, придававшим забору некоторую респектабельность, и высокая, потемневшая от времени грубо сколоченная дверь из сибирской лиственницы давали некоторую надежду, что за те двенадцать лет, что он тут не был, ничего не изменилось, и хозяева по-прежнему те же, и что он не зря проделал этот путь. Нажав на кнопку звонка, он стал ждать. Где-то во дворе залаяла собака и через пару минут кто-то подошел к двери с другой стороны и спросил: «Кого надо?»

– Рассвет Али здесь живет? – с надеждой, что со стариком ничего не случилось, и он по-прежнему жив, спросил Арс.

– Да, здесь, а кто это?

– Это я, Арсен, сын Халила.

Дверь открылась, и он увидел своего дальнего родственника, которого не видел очень давно. Старику было, наверное, уже под восемьдесят, но выглядел он несколько моложе

своего возраста, был худощавого, крепкого на вид телосложения, и только морщины, беспощадно избороздившие его лицо, словно паутина времени, сотканная самой жизнью, выдавали возраст хозяина дома. Ему хотелось извиниться перед ним, попросить прощения за то, что давно не заходил, придумать что-нибудь, что правдоподобно объясняло бы его появление, но тот, не дав ничего ему сказать, показал рукой во двор в сторону дома и сказал: «проходи». Пока они шли по вымощенной диким камнем тропинке, ведущей к крыльцу, он внимательно осмотрел двор. «Как в аптеке, – подумал он, – вот что значит старая закалка», – было видно, что хозяин тратит уйму своего времени для ухода за клумбами и небольшого парника, где через полупрозрачную толстую пленку виднелась какая-то зелень. Они прошли двор, и на крыльце он увидел немецкую овчарку, нерешительно остановился и, глядя на собаку, спросил хозяина дома:

– Это тот самый щенок, что у тебя тогда был? Забыл, как его зовут.

– Джек.

– Привет, Джек, – сказал он, обращаясь то ли к хозяину, то ли к овчарке, – а он не укусит?

– Он обученный, без команды не нападет, а ты тут какими судьбами?

– Долго рассказывать, да и не интересно будет.

– Ничего страшного, я давно на пенсии, времени много, мы с Джеком тебя послушаем, правда, Джек?

Джек, словно понимая, о чем говорит хозяин, подошел к нему ближе и лег, положив голову на лапы и подняв уши, будто концентрируя свое внимание, настраиваясь слушать длинный и неинтересный рассказ гостя. «А пока, – продолжил хозяин, – я принесу чего-нибудь поесть, чаю попьем. Не обессудь за небогатый стол, но если бы предупредил заранее, то я бы купил чего-нибудь, чтобы ты не обвинил меня жадности». Гость понял шутку хозяина и ответил бодро:

– Ну что рассказывать, был в Сибири, работал на стройках, на шахте, а теперь вот решил приехать домой.

– В Сибири, говоришь? И где ты там работал, интересно, сибиряк, – усмехнулся дядя Рассвет, – ты мне зубы-то не заговаривай, как-никак всю жизнь в милиции проработал, и люди многое о тебе болтают, и совсем недавно приезжали родственники наши из села, про тебя всякое говорили нехорошее. Мол, бандит и все такое. Ты ведь меня знаешь, говори, как есть, чтобы я не от посторонних слышал.

– Сидел я в тюрьме, вчера освободили.

– Вот как? Прямо-таки освободили?

– Да, освободили, мне, к твоему сведению, и обвинение не было предъявлено, вывел меня на улицу хозяин тюрьмы и сказал: «Иди на все четыре стороны».

– Так и сказал? А документ есть?

– Какие документы? Когда меня брали, я был без документов.

– Ну, справку об освобождении дали?

– Да какая справка, дядя Рассвет? Я даже не понял, где я сидел. Если я тебе расскажу, что это было, ты все равно не поверишь. Если есть кусочек ада на земле, то это там.

– Ну ладно, попьем чаю и иди отдыхай. Во дворе, к западной стороне забора не подходи, соседи увидят. Отоспишься, расскажешь все по порядку. Договорились?

– Я-то расскажу, а тебе это надо?

– Тебя давно не было, здесь изменились порядки, и я должен быть готов к любым сюрпризам. Сидеть на старости лет за пособничество боевикам не хотелось бы. Понял?

– Понял. Я могу утром уйти, если тебе в тягость. Извини, что побеспокоил. Не должен был я к тебе приходить.

– Это я решу, уходить тебе или нет, – неожиданно жестко ответил хозяин, – а пока ты мой гость и к тому же родственник, по нашим законам я не имею права прогнать с порога даже кровника, попросившего приют, так что помалкивай и слушай старших.

– Понял, дядя Рассвет. Извини, – и, помявшись немного, спросил о том, что его интересовало всегда и было любопытно узнать, потому как никто уже из знакомых не помнил ответа на данный вопрос: – Дядя Рассвет, не скажешь, откуда у тебя такое прозвище? Ну, чтобы знать, – замялся он, – когда я был моложе, мне неудобно было у тебя спрашивать, и ответить мне на этот вопрос никто не мог.

Рассвет Али усмехнулся и ответил:

– Почему нет? Я учился еще в школе, в четвертом классе,

и за хороший голос и слух преподаватель пения определил меня в солисты, а пели мы всем классом «Катюшу», и я почему-то не мог запомнить первые строчки песни, ну никак не мог, вылетало из головы от волнения что ли, не знаю. И тут учитель пения мне говорит: «Послушай, как тебя зовут... Али?» – Я говорю «Да». – «Ну вот запомни – «Расцвели яблони и груши», расцвет и Али, Расцвет – Али, понял?» Тут класс и грохнул от веселья, а вместо Расцвет стали называть меня Рассвет. С тех пор и ношу это прозвище. А ты что подумал?

– Ничего не мог придумать, мой отец тоже не знал, почему тебя так называют, думали, что ты на рассвете родился, поэтому такое прозвище.

– Тоже неплохо, – сказал Рассвет, – наливай себе чай и пей. Хлеб, масло, сыр, сухофрукты – все перед тобой. Дерхаб (на здоровье)!

– Спасибо. А ты давно на пенсии?

– Давно, почти с момента распада Советского Союза, ну правда полгода при новой власти тоже поработал. А когда ты в последний раз заезжал ко мне, я уже был на пенсии.

– Ну и как?

– Жаловаться не на что, пенсия неплохая, я ведь почти тридцать лет следователем проработал, ушел в чине подполковника.

– А супруга где ваша? Она ведь и мне родней доводится.

– В селе, у дочери живет, не хочет расставаться с внуками,

хотя иногда приезжает и уговаривает меня поехать с ней. Но я привык здесь. Здесь Джек, мои цветы, теплица и моя память, а супругу я не виню. Ей там лучше, чем со мной, есть с кем поговорить, за кем поухаживать. Ну ладно. Я вижу, что ты устал и хочешь спать. Пойдем я покажу тебе комнату.

Он провел его в маленькую комнату с единственным окном, выходящим на задний двор, показал в шкафу сложенное стопкой чистое белье и, пожелав спокойной ночи, ушел. Когда хозяин вышел, он лег спать, однако сон никак не шел. Он поймал себя на мысли, что отвык от кровати, от чистого белья, от спокойного сна. Наконец, он не выдержал, встал, прошёлся по комнате и, подойдя к кровати, аккуратно перенес матрас и одеяло на пол. Так привычнее, подумал он. Настелил простыню, надел чистую наволочку на подушку, лег и задремал.

* * *

– Здравия желаю, товарищ полковник!

Сидевший за письменным столом офицер посмотрел на вошедшего и спросил: «Что там у вас?»

– Вот донесения от оперативных подразделений, как вы и просили, одно из них покажется очень интересным, – интригуяще произнес он, преданно глядя в глаза начальника.

– Ну-ка давай, что там, – и, взяв в руки папку, стал просматривать оперативные донесения, рапорта и другие слу-

жебные документы из низовых подразделений. Одно из них действительно привлекло его внимание, и он внимательно начал читать содержимое документа.

«Начальнику Октябрьского РОВД МВД Республики
Старшего оперуполномоченного службы
криминальной милиции капитана Султанова Н.М.

Довожу до вашего сведения о том, что в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий по профилактике и выявлению лиц, состоящих в религиозных и экстремистских организациях, а также розыску лиц, по которым прошла информация об участии в незаконных вооруженных формированиях и их пособников, состоялась встреча с агентом «Рубин». В ходе беседы с агентом последний доложил о том, что в районе автостанции 26 октября сего года, около шести часов утра, опознал в человеке, завтракавшем в привокзальном кафе, особо опасного преступника по кличке «Арс», он же Арсен Халилов, находящегося в федеральном розыске с 1998 года. Со слов агента, «Арс», расплатившись с официантом, вышел из кафе, сел в проезжавшее маршрутное такси седьмого маршрута и уехал. Проследовать за ним у агента не было возможности, так как направлялся на похороны родственника в другой район. Однако по данному обстоятельству были установлены и опрошены восемь водителей седьмого маршрута, работавших в тот день. Один из них – Валиев А. М. опознал на предъявленной фотографии

Халилова А.Х. и сообщил, что «Арс» вышел на остановке общественного транспорта в районе улицы «Юных Пионеров». Дальнейший маршрут «Арса» установить не удалось, ввиду обширности исследуемого района и хаотичности застройки частного сектора, не позволяющей ориентироваться в улицах и переулках, образовавшихся за последние полтора-два года. Старшему участковому инспектору милиции района дано указание негласно опросить местных жителей и при обнаружении местонахождения преступника доложить руководству РОВД.

Капитан Султанов Н.М.»

– Надо же, – произнес полковник, – а мы думали, что его давно уже нет в живых, а тут видишь, раз – и проявился, как с того света. Интересно, что его принесло в город? Истребуйте материал на него, свяжитесь с районным отделением по месту его рождения, пусть соберут все, что есть, поднимите старые связи, установите родственников, одноклассников и просто знакомых, разошлите ориентировки и усильте работу с агентурой. Если будут какие новости, докладывать немедленно! Надо же, сам Арс, можно сказать, последний из могикан. Выполняйте!

– Есть! Разрешите идти?

– Идите.

Учитель уже самостоятельно ходил, состояние его улучшалось изо дня в день, и он ожидал скорой выписки после того, как ему снимут швы, и врач позволит ему продолжить амбулаторное лечение в домашних условиях. В больнице был хороший дружный персонал: врачи, работавшие еще с советских времен и, хотя денег, оставленных ему в конверте майором, хватило на операцию, и даже осталось еще немного, он, по совету других, таких же, как он, пациентов, подбрасывал немного денег сестре-хозяйке, дежурному врачу. На его недоуменные вопросы, почему надо платить, те поначалу смеялись над ним, но потом, увидев, что вроде немолодому на вид человеку и, казалось бы, имевшему солидный жизненный опыт, никак не взять в толк обыденные и простые вроде для них вещи, они ему терпеливо объясняли, что врачи получают зарплату, на которую нельзя прожить, зарплаты медсестры хватает разве что на пару посещений ресторана среднего пошиба, и больные, зная об этом, подбрасывают врачам и медсестрам небольшие деньги, получая которые, те хоть как-то сводят концы с концами. Особенно его поразили случаи, рассказанные больными о том, что анестезиолог отказался проводить наркоз, пока ему не заплатили за лекарство, но таких врачей, как ему объяснили, немного, и в целом лечат тут нормально. И сегодня, подойдя уже к концу

своего лечения, он время от времени ощупывал нагрудный карман рубашки, надетой под больничный халат, в котором лежали деньги. Когда майор на прощание передал ему конверт, он не знал, сколько там денег, но уже в гостинице перед тем, как ему стало плохо, и хозяин вызвал скорую помощь, он заглянул в него и обнаружил пятьдесят пять сто долларовых купюр, записку майора и небольшую сумму в рублях. В записке, оставленной майором, был указан адрес клиники и телефон, а также какой-то другой адрес, где за скобками было написано, что, если будет совсем тяжело, чтобы он пришел по этому адресу и дождался майора, ключ, было написано в записке, найдешь над электрическим счетчиком. Конечно, видеть майора у него не было никакого желания, но деньги ему помогли подлечиться. Конверт он тогда оставил у хозяина гостиницы, и когда он уже пришел в себя после операции, тот заглянул навестить его и сообщил, что из оставленных им денег он разменял три тысячи долларов, которые заплатил врачам за полосную операцию на кишечнике, а оставшуюся сумму в рублях и долларах США передал ему. Он же и рассказал учителю о том, что майор выбросился из окна своей квартиры, а через несколько дней из морга выдали его тело, и майора похоронили рядом с женой. Нельзя было сказать, что эта новость как-то потрясла учителя: перед смертью майор действительно себя как-то странно вел. Жалости к нему он не испытывал и полагал, что майор понес заслуженную кару, несмотря на все его попытки заглядеть

перед ним причинённые страдания. Он не знал, что случилось с остальными обитателями майорской тюрьмы и предположил, что майор мог выпустить и остальных. Почему-то он тут же вспомнил несчастного коммерсанта, сошедшего с ума, и боевика, раненного в ноги, но ни сил, ни возможности поинтересоваться их судьбой у него не было, и он оставил этот вопрос на потом. Вспомнив, что ему осталось пройти еще два круга вокруг больничного парка, он продолжил прогулку, поднимая иногда взмахом ноги опавшие с деревьев листья и пытаясь единственным уцелевшим глазом проследить их полет. Сегодня. Он собирался зайти к офтальмологу и выписать себе рецепт. Без очков ему трудно было ориентироваться, особенно когда наступали сумерки. Сделав еще два круга, он побрел в соседний корпус, где врач-офтальмолог за сто рублей осмотрел его и выписал рецепт для очков и глазные капли. Вернувшись в палату, он попросил медсестру, чтобы та, когда закончит дежурство и пойдет домой, зашла по пути в магазин оптики и заказала ему очки. На следующий день ему сняли швы, и врач сказал, что послезавтра его можно будет выписать. «А пока, – напомнил врач, – соблюдайте режим, больше бывайте на свежем воздухе, и ближайшие три-четыре месяца никаких физических нагрузок». Уже к концу недели его выписали, и учитель, выйдя на улицу, долго размышлял, куда же ему идти. Возвращаться в село, где его уже похоронили, он не хотел. Было уже холодно, люди шли мимо в зимних пальто и теплых сапогах, напротив

больницы висел билборд с рекламой туалетной воды и указанием того, что до Нового года осталось девятнадцать дней. Единственное место, куда он мог сейчас вернуться, была гостиница с уже знакомым ему хозяином – как ему показалось, весьма достойным человеком, ведь не всякий придет в больницу, заплатит, хотя и не свои деньги, да еще и навестит. С этими мыслями учитель запахнул фуфайку, подаренную ему завхозом больницы, и пошел к ближайшей остановке.

В гостинице, куда он уже ранее приходил, хозяин встретил его, как старого знакомого, поселил в самую лучшую комнату и пошутил, что предоставляет ему скидку, но, будучи человеком практичным и дальновидным, предупредил учителя, что лучше все-таки снять где-нибудь в городе комнату или квартиру, и предложил помочь ему похлопотать насчет пенсии по инвалидности, поинтересовавшись, какие бумаги ему дали при выписке из больницы. Учитель протянул ему выписной эпикриз, и тот, цокая языком и кивая головой из стороны в сторону, заявил, что при таких бумагах точно дадут первую группу инвалидности и назначат пенсию тысяч двенадцать, а то и пятнадцать.

– Двенадцать? – переспросил учитель.

– Да, – ответил тот, – не меньше, но этих денег в городе хватит, чтобы снимать комнату и как-то жить, а если еще работу найдешь, то будешь вообще олигархом. – И засмеялся собственной шутке.

– У меня зарплата была двенадцать тысяч, – ответил он, –

работая учителем. Оказывается, надо было просто выбить себе глаз и получать пенсию, чтобы не учиться и не работать.

– Ну и юмор у тебя, – ответил хозяин гостиницы. – Нет в мире пенсий, за которые можно отдать глаз. Так что подумай. А завтра я постараюсь тебе найти съемное жилье. Ужин за счет заведения, – буркнул он и вышел из комнаты. На следующий день тот действительно подыскал учителю комнату недалеко от гостиницы в неплохом районе города, почти в центре, но в общем дворе. Придя по адресу, он сначала не мог сориентироваться во дворе, когда-то принадлежавшем одной семье, а затем, видимо, по какой-то причине распроданной по частям разным людям, которые в свою очередь приспособливали его под себя, перепродавая или деля по наследству, пока дом не стал похожим на улей, хаотично застроенном разного рода пристройками, балконами, гаражами показывая всем своим видом, что новые хозяева боролись за каждый квадратный сантиметр полезной площади. Он оглядел двор, высившийся в центре двора туалет с покосившимися и выцветшими дверями, возле которого торчал водопроводный кран с непрерывно льющей водой, кучу строительного мусора, состоявшего в основном из битого стекла, кирпича, картона и всякого другого хлама, вершину которого венчал ржавый велосипедный руль, на котором по случайному недоразумению или ненужности остался прикрепленным круглый звонок из нержавеющей стали с блестящей отполированной ручкой и молоточками. Услышав стук ударив-

шегося ведра, он повернулся направо и заметил старуху, возившуюся у крана с водой.

«Салам алейкум, уважаемая, – сказал он, обращаясь к ней, – вы не знаете тут женщину по имени Марьям, она, вроде как комнату сдает?» Старуха внимательно оглядела его с ног до головы, словно оценивая его финансовые возможности, и, видимо, составив по внешнему виду свое собственное впечатление о доходах собеседника, ответила: «Марьям – это третья дверь, только, сынок, комната у нее дорогая, пять тысяч в месяц, не дороговато ли для тебя? У меня тоже есть комната, сдаю за три пятьсот».

«Давайте я сначала посмотрю условия у Марьям, а потом взгляну и на вашу комнату», – ответил он.

«Какие еще условия, – ответила старуха. – Туалет у нас во дворе, общий, вода вот тут, – показала она на кран, – тоже общая, ну, если хочешь, иди посмотри, вон третья дверь», – показала она на бежевые двустворчатые двери в пристройке из силикатного кирпича. Постучав в дверь, он услышал приглашение войти, и, толкнув дверь, оказался в узком тамбуре, где негде было ступить из-за обуви, разбросанной на полу. «Сколько можно говорить этим людям, чтобы обувь свою клали в шкаф, – возмущенно сказала вышедшая на встречу пожилая и довольно-таки полная женщина, закутанная в теплый оренбургский платок, перевязанный крест-накрест, как пулемётные ленты на каком-нибудь вояке из старого фильма о революционных матросах, и поздоровалась с ним. – Здрав-

ствуйте, вы, что ли, Махмуд?»

«Да, – ответил он, – я пришел по поводу комнаты».

«Я в курсе, – ответила она, – хороший человек за вас попросил, звонил уже, – пойдемте, покажу вам комнату», – предложила она и повела вглубь помещения, проведя через большую комнату, где у телевизора собралось человек шесть-семь, показала на лестницу, поднимающуюся вверх, где в конце виднелась дверь. «Вот, поднимайтесь, посмотрите, – сказала она, – я не буду подниматься, у меня спина болит, возраст, и ноги не те, так что извиняйте». Поднявшись и войдя в комнату, он обнаружил довольно чистое и опрятное помещение с кроватью, небольшим платяным шкафом и маленьким окошком, занавешенном ситцевыми занавесками с какими-то розовыми цветочками. Комната была совсем крохотной и, собственно, и развернуться там было особенно негде, но большего ему сейчас и не требовалось, и он, спустившись вниз спросил: «А сколько надо платить в месяц?»

– Пять тыщ, – скромно ответила она, – лучше все равно не найдете. Вам случайно соседка во дворе не встретилась? Она предлагает дешевле, но у них вечный беспорядок в доме, потому как сын ее пьет, и внуков маленьких трое. Так что думайте.

– Я согласен, – ответил он, почему-то сразу поверив правдивости ее слов. – Вам сейчас отдать?

– Давайте, – ответила она и, тщательно пересчитав деньги, спрятала их где-то глубоко в складках одежды. – И вот вам

ключ, – сказала она, – кухня справа, телевизор в общей комнате. Если надо будет убраться или приготовить еду, обращайтесь, но за отдельную плату: завтрак, например, сто двадцать рублей, – добавила она. Он взял ключ и решил, что прежде чем заселиться, надо купить продукты, предметы гигиены и кое-какую одежду.

– Скажите, а как к вам обращаться? – спросил он хозяйку.

– Тетя Марьям, – ответила та, – и вообще, если нужно что-либо, не стесняйся обращаться, – помогу.

– А где можно купить одежду и продукты? – спросил он. Тетя Марьям оценивающе посмотрела на него, словно вычисляя в уме, что же можно предложить этому постояльцу, выжившему не просто как нищий, а как чудом выживший беженец из блокадного города, которому даже, может, подать из жалости какой-нибудь попрошайка с городского рынка. В любом другом случае она отказала бы ему от постоя, но он пришел от ее хорошего знакомого, а от того никогда не приходили несерьезные люди. Наконец просчитав в уме, что человек легко заплатил за месяц вперед и теперь интересуется тем, как привести свой гардероб в порядок, она заключила, что парень недавно освобожден из тюрьмы, что было недалеко от истины, и можно ему порекомендовать что-нибудь средненькое. Заметив, что постоялец молча ожидает от нее ответа, она спохватилась и быстро сказала: «Выйдешь на улицу, повернешь направо – увидишь остановку, подождешь автобуса или маршрутного микроавтобуса с номером три и

езжай до «Западного рынка», там найдешь все, от трусов до галстуков». И крикнула уже вслед: «И смотри, чтобы тебя не обчистили карманники». Поблагодарив, он вышел на улицу и пошел в направлении, указанном тетей Марьям. В ватнике и в старых потрепанных, хотя и отстиранных в больничной прачечной, брюках и стоптанных туфлях он явно не вписывался в окружающий его городской пейзаж. Ему встречались разные люди: и хорошо одетые, и очень бедно. Он отметил про себя, что в городе даже нищие имеют некий городской лоск и порой одеты намного лучше, чем некоторые его односельчане, всю жизнь от зари и до заката работавшие на земле. Прохожие на него оглядывались, кое у кого на лицах появлялась брезгливая гримаса, словно столкнулись с чем-то грязным, обходили его как заразу, а кто-то шел мимо, не обращая на него никакого внимания. «Бедность в глазах людей выглядит как болезнь, – с грустью думал он, – которую надо лечить в первую очередь, хотя, с другой стороны, – утешал он себя, – все это надуманно и выглядит порой смешно, глядя на то, как человек приносит в жертву свою жизнь ради призрачного успеха. Прилагает невероятные усилия, чтобы соответствовать выдуманному кем-то стандартам, порою идет на сделку с совестью, посвящает все свободное время тому, чтобы быть похожим на других, и придерживается правил, которые придуманы кем-то очень давно и во времена, когда одежда должна была подчеркивать неравенство людей, отличить знатного человека от простолюдина, хозяина от раба,

сильного от слабого».

Дойдя до остановки, он увидел приближающуюся маршрутку и поднял руку. Автобус притормозил возле него, и стоило ему открыть дверь, как водитель сообщил, обращаясь к нему: «До конечной двадцать рублей проезд, деньги вперед, об остановке сообщать заранее!»

На рынке, куда он приехал, действительно можно было купить все, однако не пройдя и двадцати шагов, он зашел в первый же павильон и по сходной цене купил себе брюки, пару рубашек, зимнюю куртку и ботинки. Продавец показал ему ряды, где продаются продукты и, уложив купленные учителем вещи в большой черный пакет, поблагодарил его за покупки. По дороге он случайно наткнулся на книжный магазин, обратив внимание на полупогасшую неоновую вывеску «КН...И», выглядевший явным анахронизмом среди помпезных и не очень кафешек, магазинов и разного рода агентств, олицетворявших собой эпоху первоначального накопления капитала. Разговорившись с продавцом книжного магазина, оказавшегося к тому же и хозяином, он узнал, что магазин доживает свои последние дни, так как тот решил продать помещение соседствовавшему продуктовому магазину, и если он берет от десяти книг и более, то их он отдаст по тридцать рублей за штуку. Когда он набрал две большие стопки книг, растрогавшийся хозяин принес из подсобки старый рюкзак и добавил от себя в подарок еще две толстые книги – «Метаморфозы» Овидия с красочными ил-

люстрациями и собрание сочинений Платона в одном томе, сообщив, что эти две книги лежат в магазине со времен горбачевской перестройки, и на них так и не нашлось покупателя. Уставший с непривычки и впавший в некоторую эйфорию от свободы, сделанных покупок, новых ощущений, он вдруг поймал себя на мысли, что тратит деньги своего бывшего мучителя, тратит легко и непринужденно, словно так и должно быть. На миг ему стало плохо, и заметив удивленный взгляд продавца, почувствовавшего мгновенную перемену настроения, он взял себя в руки, заплатил по чеку и, попрощавшись, схватился за ремешки рюкзака, но поняв, что все это ему не донести, он волоком вытащил рюкзак на улицу и, остановив проезжавшее такси, погрузил покупки в багажник машины. Вскоре он был уже у знакомых ворот, таксист помог ему донести вещи до дверей комнаты и, получив дополнительно тридцать рублей к объявленной им за услугу сумме, оставил ему свою визитку, сообщив попутно, что можно звонить в любое время суток.

Он долго сидел в углу своей комнаты, не притрагиваясь к вещам и к пакетам с едой; сама мысль, что он вот так просто забыл все, что было с ним? казалась ему омерзительной и непростительной; горькое сознание того, что его кажущаяся свобода – это всего лишь новая череда испытаний, ждущих его в этом мире, не давала ему покоя. «Почему я не умер в этой тюрьме? Почему меня вот так выпустили, какая сила вмешалась в судьбы уже практически потерявших надеж-

ду людей, что вот так я хожу и на средства моего мучителя и несостоявшегося убийцы начинаю строить планы своей будущей жизни? Кто мне вернет мою старую, поломанную жизнь, выбитый глаз и спиленные зубы, кому я нужен такой исковерканный и побитый судьбой?» – спрашивал он себя снова и снова. И, незаметно для себя распалившись, сам не заметил, как ладонью бьет себя по лицу, завывая, и вслух задавая себе одни и те же вопросы, пока раздавшийся стук в дверь не привел его в чувства.

– Кто там? – спросил он.

– Это я, тетя Марьям, – раздалось в ответ, – у вас все в порядке? А то тут соседи жалуются, что вой какой-то у вас в комнате. Людям спать не даете.

– Извините, все в порядке у меня, – сказал он, вытирая мокрое лицо, – сейчас открою.

И, подойдя к двери, поднял крючок, запиравший дверь изнутри, отворил дверь. Тетя Марьям удивленно смотрела на него, как будто видела впервые, ничего не говоря она подошла к нему и, неожиданно перейдя на шепот, спросила: «Плакал, что ли, сынок? Тяжело тебе? Я вижу, что тяжело. Ну-ка пошли со мной!» И, взяв его за руку, повела за собой вниз. Он молча пошел за ней, свободной рукой вытирая слезы, которые никак не хотели останавливаться. Внизу на общей кухне никого не было, постояльцы разбрелись по комнатам и, видимо, готовились ко сну. «Садись», – сказала она, показав на стул. Затем, порывшись в шкафу, достала миску

и, наполнив ее до краев супом, поставила перед ним. «Ешь, – приказала она. – Я вижу, что ты ничего не ел и весь большой какой-то, а то еще помрешь тут у меня. Что я твоему другу скажу?» – пошутила она. Положила перед ним нарезанный хлеб, солонку, какие-то овощи и, увидев, что он по-прежнему не притрагивается к еде, села напротив и сказала: «Я вижу, ты не жалеешь старую женщину, годящуюся тебе в бабушки, ешь, говорю тебе, мне еще помолиться надо перед сном, утром ведь вставать рано, и надо присматривать за всем этим». Нехотя он взял ложку, и, чтобы не обижать пожилую женщину, неожиданно проявившую участие, он стал есть; суп был на удивление вкусным, и он неожиданно для себя съел все.

– А сейчас чай с травами будем пить, – безапелляционно заявила тетя Марьям и, налив себе и ему чаю в большие фарфоровые чашки, придвинула розетку с вареньем. Видя, как он пьет чай, она улыбнулась и добавила: – Вот видишь, сынок, все хорошо, все образуется, не давай себе киснуть. Думаешь мне легко? Муж меня бросил с тремя детьми лет двадцать назад, как уехал на Север на заработки, так и пропал. Слышала, что завел там новую семью, дети пошли, и забыл нас, а я вот одна их и поднимала на ноги, образование им дала, а они тоже все разъехались, сын в Германии живет, а дочери вышли замуж, хотя зовут к себе, но я не поеду. Я вот пенсию получаю, небольшая, правда, но еще и комнаты сдаю, выкручиваюсь, как могу. А ты молодой, жены и детей

нет?

– Нет, – ответил он.

– Ну вот, тебе легче, все впереди, все образуется.

– Дежа вю, – ответил он, – помнится, я сам это говорил когда-то одному парню, попавшему в беду.

– Не знаю, сынок, что означает это слово, а что стало с тем парнем?

– Умер он.

– О Аллах! Дежа или не дежа, слово-то какое странное, – в сердцах сказала она, не понимая значения, – но ты должен верить, иначе нет смысла жить.

– Правда? Я думал, что вообще нет смысла верить во что-то, и вообще, я думаю, Богу нет до нас дела.

– Астагфируллах, – ответила она, – не говори так, навлечешь гнев Всевышнего, попроси, чтобы он простил тебя.

– Хорошо, – ответил он, – попрошу. Извините, что был несколько груб в высказываниях. Спасибо вам за ужин, за поддержку и теплые слова. У меня будет к вам просьба, там наверху есть продукты и вещи, я хотел бы, чтобы вы раздали эти вещи и продукты нуждающимся, там две пары брюк, рубашки и еда кое-какая.

– О Аллах! Что ты говоришь, сынок! Ты посмотри на себя, рваная обувь, потрепанная одежда, тебе самому надо одеться, и зима на дворе, не забывай!

– Прости, мать, не могу я это носить, не готов. Кровавые это деньги, – и, увидев, как от ужаса расширились глаза ста-

рухи, он пояснил: – вернее, человек, что мне их дал, был таким.

– Хорошо, хорошо, сынок, сделаю, как ты скажешь, но от меня-то ты примешь одежду? От сына осталась, он хорошо живет и вряд ли когда он приедет за ней.

– Спасибо, от вас приму, мать, и будет возможность – заплачу вам честными деньгами. Вот я хочу устроиться на работу, чтобы встать на ноги, пока, правда, не знаю, кем и куда, да и возьмут ли инвалида на работу.

– Возьмут, сынок. Возьмут, я сама слышала, что там, где работают инвалиды, бизнесменам льготы дают, так что возьмут тебя, да и я поспрашиваю насчет вакансий.

– Спасибо, мать, пойду я к себе, а вам спокойной ночи!

– Спокойной ночи, сынок.

* * *

Арс понемногу освоился у Рассвет-Али: он также, как и Рассвет, вставал рано утром, помогал ему собирать в саду опавшую листву, отремонтировал барахлившую систему отопления и даже несколько раз сходил за водой к колонке, когда вода в доме была отключена, правда, это было глубокой ночью, и его никто не видел. Рассвет, поначалу настроенно отнёсшийся к родственнику, немного оттаял и время от времени начинал беспокоить вопросами о дальнейших планах. Вот и сегодня за завтраком Рассвет как бы невзначай

затронул эту тему.

– Ну вот, – сказал он, – ты уже неделю у меня. Не думаешь заняться чем-нибудь? На работу устроиться, например.

– А куда я могу устроиться? – озадаченно спросил Арс, помешивая чай. – Ни специальности, ни документов. Загребут сразу. Да и небезопасно это для меня. Если тебе в тягость мое присутствие, то я могу уйти. Я ведь тебе уже говорил об этом, дядя Рассвет, ноги мои уже почти зажили, еще денька три, и я исчезну.

– И куда ты пойдешь? Опять к своим друзьям?

– Нет, конечно, – ответил Арс, – как говорил учитель, у меня есть выбор, и я его сделал – я завязал с прошлой жизнью.

– Что за учитель? – удивился дядя Рассвет. – Неужели нашелся кто-то, кто сумел направить тебя на истинный путь?

Арс задумчиво посмотрел на Рассвет-Али и ответил: «Сидел со мной человек один, школьный учитель. Он мне сказал, что Аллах – самый великий демократ и дает нам право неограниченного выбора вариантов, и какой ты выбрал, те последствия тебя и ожидают. Сначала я ему не поверил, но я много думал над его словами, и могу сказать, что он был прав, когда говорил, что у человека всегда есть выбор, а мое освобождение для меня стало, как бы это сказать, чудом. До него я думал, что в жизни все предопределено, а оказывается, нет. Учитель сказал, что предопределение придумали те, кто не хочет ничего менять в жизни. Я, когда сидел в каме-

ре больничной, все время молил Всевышнего, чтобы помог мне, и я думаю, Он услышал мои молитвы и дал мне знак», – вполне серьезно продолжал Арс и, заметив удивленно поднятые брови Рассвета-Али, пояснил: «Ты знаешь, я был в такой тюрьме, откуда выход только один – на кладбище. И так получилось, что человек, который попал в эту тюрьму раньше меня, как-то сломал все это, я даже не понял, как, но я уверен, что это благодаря ему. Я знаю, что не будь учителя – меня бы здесь не было».

– И где этот учитель сейчас? – спросил Рассвет.

– Не знаю, – ответил Арс, – его отпустили на несколько часов раньше. Я хочу его найти, только не знаю, как.

– Странные вещи ты рассказываешь, – удивился Рассвет-Али, – когда я служил в милиции, такого не было.

– В ваше время много чего не было, – ответил Арс, – у вас был черно-белый мир, вернее, черный и красный. Коммунизм строили, да и не построили; я-то молодой был, когда все разрушилось в один миг, а что чувствовал ты, который отдал жизнь за строительство «лучшего мира»?

– Ты знаешь, я уже ничего не чувствовал, – отвечал старик, – я скорее хотел уйти на пенсию и, хотя выслуга лет мне позволяла, но меня не отпускали.

Рассвет-Али хотел еще что-то сказать, но вдруг зазвонил телефон, и он, спешно взяв в руки трубку, стал говорить с женой, которая интересовалась, когда же он, наконец, бросит город и приедет к ней в село, и, судя по изменявшему-

ся цвету лица Рассвет-Али, было видно, что разговор ему неприятен, и он вынужден оправдываться перед супругой; было слышно, как она выговаривала ему за все неприятные моменты, пережитые ею в период брака, когда она, молодая дура, поверила ему и вышла за него замуж... Дальнейший разговор, видимо, перешел ту грань, которую рассвет считал допустимым для ушей посторонних, и он удалился в дом, продолжая говорить по телефону. Когда он вернулся, Арс уже позавтракал и, развернув стул в сторону двора, наблюдал, как ветер срывает последнюю листву с деревьев и уносит куда-то вдаль. «Вот и я такой же, – думал он, – такой же, как эта опавшая листва: ни дома, ни семьи, ни будущего. В чем же моя вина, что моя молодость пришлась на время перемен? Не смог принять правильного решения?» Он снова вспомнил учителя, и ему мучительно захотелось найти его и поговорить с ним о жизни, вот так, как сейчас, в тепле, сидя за столом, за чашкой чая, наблюдая, как во дворе начинает хозяйничать зима, и он подумал: «Может, и у меня зима в жизни была? Долгая, холодная, без начала и, казалось бы, без конца, пока судьба не привела его в больничную камеру той загадочной и страшной тюрьмы? Сколько же у меня вопросов, на которые я не знаю ответа. Надо найти учителя», – решил он, почему-то пребывая в уверенности, что тот сможет ответить ему на вопросы, которые мучили его.

– Чего задумался? – оторвал его от мыслей вопрос дяди Рассвета, закончившего говорить по телефону и вернувше-

гося к столу.

– Да так, ответил он, – задумался о жизни. – Думаю, с чего начать.

– С чего начать? Наверно тебе надо еще неделку-другую отсидеться, пока я не справлю тебе документы. И над внешностью надо поработать.

– А что с моей внешностью? – удивился Арс.

– Ну смотри сам, ходишь ты, ссутулившись, немного выдвинув левую сторону вперед, словно сейчас начнешь перебежками пробегать двор. Взгляд настороженный, как у волка, глаза стеклянные и вид человека, постоянно готового к неприятностям. Тебя выкупит первый же патруль. Или ты приведешь за собой хвост, и потом, как здесь водится, будут сутки играть комедию об окружённых боевиках, хотя тебя могли бы взять по дороге, и потом разрушат дом и убьют всех. А потом будут показывать по телевидению и писать в газетах, или, в лучшем случае, пристрелят в городе. Мне это совсем не нужно, – подытожил Рассвет. – Если ты твердо решил начать новую жизнь, то я тебе помогу.

– А ты не уедешь в горы к жене? – спросил Арс.

– А-а, ты об этом звонке? Не поеду. Я привык здесь. Этот дом построил я своими руками на заработанные долгими годами средства, здесь выросли мои дети. Отсюда я отправил служить в армию своего Руслана, – дрогнувшим голосом сказал Рассвет, – здесь мой Джек, и я не поеду приживальщиком к моим зятьям, пусть, если она хочет жить там, то и жи-

вет, – с обидой подытожил свой монолог Рассвет.

– Ясно, – ответил Арс, – а ты не сможешь мне найти одного человека в городе?

– Кого это? – насторожился Рассвет.

– Учителя, что сидел со мной. Не знаю почему, но я хочу найти его и поговорить с ним. Просто поговорить – за чашкой горячего чая, послушать его, у меня есть предчувствие, что моя судьба зависит от него, и я хотел бы узнать от него, что делать дальше.

– Я могу сказать тебе, что делать дальше – тебе нужно сидеть и не высовываться, пока я не помогу тебе с документами, а потом делай что хочешь, мир большой и, на мой взгляд, в нем есть место каждому!

Увидев помрачневшее лицо Арса, Рассвет примирительно сказал: «Для меня, бывшего мента, не составит труда найти твоего учителя, но прояви терпение, надо выждать, осмотреться, я уверен, что тебя ищут, и участкового давно не видел, идти к нему и выяснять, не разыскивают ли они тебя, было бы опрометчиво, но чутье мое подсказывает, что он сам нагрянет. И предупреждаю, как услышишь зазвонивший звонок на воротах, сиди тихо. Понял?»

– Да, дядя Рассвет, понял.

– Сегодня не обещаю, но завтра я начну поиски, а теперь расскажи мне, как выглядит учитель и почему он лежал в больничной палате тюрьмы?

– Ну, он выше среднего роста, где-то метр восемьдесят,

волосы седые, на вид лет под пятьдесят, хотя, я думаю, он намного моложе, выбит один глаз – левый, на допросе ему выбили, – пояснил Арс, – шрамы на лице и руках, фаланги сломанные на правой руке, из-за этого пальцы выгнуты наружу, голос молодой, в палате он был из-за кишечника, ему «розу» вставили, ну ты слышал, наверное, что это, и на груди раны нагнаивались, и звать его Мазгар, на его языке это значит бронзовый, фамилию не знаю, – подытожил Арс.

– Да-а, – протянул Рассвет, – с такими приметам и последствиями пыток мне не составит труда его найти даже быстрее, чем ты думаешь. Надо зайти в больницу республиканскую и начать оттуда, правда, есть еще одна больница, но там не лечат таких. Считаю, я нашел его, и что потом? Привести его сюда?

– Нет, дядя Рассвет, опасно вести сюда, хвост может быть, мало ли что. Я потом сам решу, как поступить, но ты, в принципе, не возражаешь, если я приведу его в гости?

– Нет, не возражаю, можешь приводить.

– Спасибо, дядя Рассвет, ты не пожалеешь, это очень интересный человек!

– Еще бы, – усмехнулся Рассвет, – если такого оболтуса вроде тебя изменил, я представляю, что это за человек.

* * *

Капитан Султанов обходил дом за домом, расспрашивая

обо всех подозрительных лицах и вообще обо всем, что показалось кому-либо странным или необычным в их районе. Изрядно устав и проклиная, на чем свет стоит, свое начальство, которое, не доверив участковым милиционерам поиск такого опасного преступника, как Арс, поручило их подразделению произвести розыскные мероприятия и опрос населения. Достав из папки лист бумаги, он зачеркнул очередной пройденный сектор. Разделив с напарником район поиска на равные части, они безуспешно обходили дом за домом. И если в одних домах их встречали более или менее радушно, внимательно разглядывали фотографию Арса двадцатилетней давности и отвечали, что не видели этого человека, то в других домах, прямо с порога сквозь зубы отвечали, что никого не видели и даже не смотрели на предложенную к осмотру фотографию, отводя взгляд в сторону. К вечеру, когда ноги уже ныли от ходьбы, и стало небезопасно ходить по пустынным улицам, на которых отсутствовало даже уличное освещение, они собрались в опорном пункте милиции и настойчиво стали выпытывать у участкового, какие у того имеются списки или адреса граждан, потенциально могущих укрыть боевиков вроде Арса. Не дождавшись от него чего-либо путного и поняв, что участковый попросту их саботирует, нисколько не горя желанием им помочь, чтобы не испортить отношения с кем-либо из граждан, живущих на подведомственной ему территории, они предложили ему составить списки адресов и клятвенно заверили, что никому

не скажут, от кого они получили эти списки. Выслушав их, старший участковый – пожилой подполковник, которому до пенсии оставалось чуть больше года, предложил прийти им завтра и дал совет, показавшийся им весьма дельным. «Понимаете, – сказал им участковый, – я тут работаю больше двадцати лет и практически всех знаю, и у меня нет желания ходить с вами и мозолить глаза жителям, с которыми у меня сложились более или менее нормальные отношения. Район очень большой, несколько тысяч домов, разных гостиниц и прочих мест, где может укрыться человек, искать его тут можно до седых яиц; возможно, он уже уехал, а возможно, нет, но вы прежде пробейте его по связям: школьным, по сокамерникам, родственникам, а потом по этому усеченному варианту можно будет искать. А так вы будете тут заниматься фитнесом еще месяца полтора-два и ничего не добьетесь, но если вы мне принесете список тех, с кем он сидел, с кем учился, его родственников, то, возможно, просмотрев фамилии, я смогу помочь». Делать было нечего, и, пожелав участковому спокойного дежурства, они разъехались по домам.

* * *

Учитель примерил принесенную тетей Марьям одежду и с удивлением обнаружил, что все впору, разве что за исключением зимних ботинок, но напихав в носок немного ваты и потуже завязав шнурки, он несколько раз прошелся по ком-

нате и, убедившись, что вполне сносно можно передвигаться, и, надев тонкую осеннюю куртку синего цвета, спустился на кухню. Тетя Марьям колдовала, стоя за плитой, готовя что-то очень вкусное. Поздоровавшись, он кивнул на плиту и сказал: «Вкусно пахнет, что это?»

– Овощное рагу, – ответила тетя Марьям. – Будешь есть? Минут через пять будет готово. – И оглядев его с головы до ног, одобрительно добавила: – А что? Замечательно выглядишь, совсем другое дело.

– Спасибо большое, – ответил он, – я сегодня хочу найти работу и поем, когда вернусь. Еще раз спасибо вам.

– Не за что, сынок. На мгновение мне показалось, что мой сынуля вернулся, – и, смахнув набежавшую слезу, пожелала ему удачи.

Добравшись до знакомой гостиницы и выяснив у портье, что хозяин в настоящий момент находится на кухне, где принимает продукты, привезенные с рынка, учитель спустился в полуподвал и, дождаввшись, пока хозяин закончит отдавать распоряжения повару, поздоровался с ним.

– Салам алейкум!

– Ва алейкум салам, – приветливо ответил тот. – Ну вот, совсем другое дело, – сказал он почти так же, как и тетя Марьям, – теперь стал похож на человека. Ну, какими судьбами? Рассказывай, как устроился, какие проблемы. Как твое самочувствие? Извини, что не встретил при выписке из больницы, не успел.

– Ничего страшного, – ответил учитель, – мне уже намного лучше, и чувствую себя хорошо.

– Ну и ладно, сейчас поднимемся, попьем чаю, побеседуем, – предложил радушно отельер.

Они поднялись в гостиничное кафе и, когда официант принес чайник с чашками и вазу со сладостями, хозяин неторопливо разлил по стаканам чай, сначала налив учителю, потом себе, и спросил: «Ну, какие у нас вопросы?»

– На работу хочу устроиться, – ответил учитель, – надо как-то жить.

– А какое у тебя образование? – поинтересовался хозяин гостиницы.

– Высшее, биологическое, могу преподавать, могу в лаборатории работать, у меня дипломная была по биохимии.

– Ничего себе, – удивился тот, – вряд ли в наше время можно найти работу по твоему образованию, заводы и фабрики давно закрылись, а государственные учреждения под надзором за товарами и услугами тебя не возьмут, там места денежные и взятки надо платить. Если нет разницы, где работать, могу тебе дать адресок. Вчера тут у меня был родственник, он искал толкового парня для какой-то работы. Правда, я не уточнял у него, что за работа, – признался отельер. Если хочешь, поезжай, – и, написав что-то на клочке бумаги, передал учителю записку. – Да, и еще ты тут забыл кое-что.

– А что такое? – удивился учитель.

– Конверт ты забыл, когда забирали в больницу, – сказал отельер и протянул учителю сложенный вдвое конверт. И уже обращаясь к портье, произнес: «Посмотри, там у входа таксисты должны быть, попроси, кто свободен, чтобы отвез учителя, и предупреди, чтобы денег не брал. Пусть потом ко мне подойдет, да и чтобы повез его домой потом.

Учитель был тронут таким отношением к себе и, поблагодарив за участие, сел в подъехавшее ко входу такси. Уже сидя в машине, он раскрыл конверт и, достав письмо, внимательно прочитал его:

«Воздаянием за зло является равноценное зло. Но если кто простит и установит мир, то его награда будет за Аллахом» (42/40). Если хватит сил – прости. Будет желание – приходи по этому адресу:, если меня не будет дома, пожди внутри квартиры, ключ найдешь над электрическим счетчиком».

Он еще раз осмотрел лист, больше ничего не было. Воспоминания причиняли боль, злость прибывала и прибывала, грозя захлестнуть сознание, но от тяжелых мыслей отвлек голос таксиста: «Приехали, вот этот дом». Водитель показал пальцем на невысокое двухэтажное здание.

– Спасибо, – сдавленно сказал учитель, приходя в себя, и, захлопнув дверь, пошел в сторону указанного дома. Войдя в парадную, он увидел распахнутую настежь дверь и, заметив сидящую за столом грузную женщину лет сорока, спросил у нее:

– А где найти директора?

– А вы кто? – спросила она.

– Я по работе, – ответил он. – Мне сказали, что меня ждут.

– Понятно, – ответила она. – Одну минутку, директор на территории, сейчас подойдет.

Действительно, не успела она договорить – и в комнату вошел человек лет шестидесяти с взъерошенной седой шевелюрой, чем-то отдаленно похожий на отельера, и спросил:

– Ты Махмуд?

– Да, я, – ответил учитель.

– Ну и ладно, – продолжил директор, вытирая со лба пот огромным платком, который достал из бокового кармана пиджака. – Мне сказали, что ты подойдешь, и что у тебя высшее образование и все такое, но работа гораздо проще, чем ты думаешь, мы занимаемся ритуальными услугами. Если ты заметил, сразу за зданием начинается кладбище, и мне нужен человек, который следил бы за порядком, вовремя оформлял бумаги, следил за могильщиками, чтобы они не напивались, и заполнял наряды по выполненным работам по содержанию кладбища. Работы немного, но она ответственная, зарплата двадцать тысяч рублей плюс премиальные. Если все устраивает, отдай паспорт секретарю и пиши заявление.

Закончив излагать условия, директор спросил: «Трудовая книжка есть?» – «Была раньше, но потерялась», – соврал учитель.

– Ничего, – ответил тот, – выпишем новую, и скажи, когда

сможешь приступить.

– Могу завтра с утра.

– Все, договорились, Махмуд. И имя у тебя хорошее, тетка великого аварского поэта. Читал его?

– Ну да, конечно, – ответил учитель и процитировал Махмуда из Кахабросо:

Кто же знает, что нас ожидает,
Жизни свет иль, может, пустота?
Вот и я рассыпал злато мыслей,
Разломав сундук из серебра.
И теперь, когда совсем уж поздно,
Нет пути назад и все прошло,
Я все понял! Счастье оно было!
Просто я ему значенья не придал...

(перевод автора)

– Надо же, – удивился директор, воодушевленный стихами, – предсмертные слова поэта, и, если я еще сомневался в тебе, то считай, что уже железно принят на работу, и притом с сегодняшнего дня. Если аванс нужен, скажешь бухгалтеру.

Сев за предложенный стол, учитель достал паспорт и аккуратно написал заявление о приеме на работу, попросив бухгалтера выдать аванс. Получив десять тысяч рублей, он расписался в ведомости и вышел на улицу. Таксист терпеливо ждал его, и, когда он сел в машину, спросил: «Куда отвезти?» – «Обратно в гостиницу», – ответил учитель. Ему хоте-

лось поблагодарить отельера и собственно расспросить его, почему он, совершенно посторонний человек, следуя просьбе покойного майора, принимает столь деятельное участие в его судьбе. Когда они приехали, отельер стоял возле стойки администратора и смотрел какой-то футбольный матч. Увидев учителя, он оторвался от просмотра и, подойдя навстречу учителю, спросил:

– Ну как? Договорились?

– Да, спасибо большое, мне главное встать на ноги, не зависеть ни от кого, а зарплата там выше, чем в школе, и работы, кажется, не в пример меньше.

– Ну и хорошо, – ответил отельер. – Еще чем-то могу помочь?

– Да, – ответил учитель, – можете мне сказать, почему вы так трепетно относитесь ко мне? Ведь вы могли не помогать мне после того, как майор умер.

– Мог бы, – ответил тот, – но не в твоём случае: мой сын служил вместе с майором и погиб в бою. Он его и привез. Шесть лет прошло с тех пор, а кажется, что это было вчера. Я ради него сделаю все, если тебе что-либо надо, приходи, я всегда тебе помогу.

– А вы знаете, что он пытал людей, и глаз мне выбил именно он?

– Знаю, он сказал мне, что виноват перед тобой и многими другими, он доверял мне то, что не доверил бы никому. И он попросил, чтобы я позаботился о тебе. Я знаю, как он с тобой

обошелся, и знаю, что он чувствовал в конце своего пути. Почему-то и я чувствую себя виноватым пред тобой, перед своим погибшим сыном, прости нас всех, если можешь, – заключил он.

– Спасибо, – ответил несколько ошарашенный объяснением отельера учитель, – я, наверное, пойду, мне надо подумать.

– Удачи тебе, если что, обращайся. Всегда буду рад помочь.

«Мир наизнанку, – думал учитель, – почему эти люди допускают сосуществование совершенно противоречивых идей у себя в голове, совершают несовместимые со здравым смыслом поступки, как это у них уживается в мозгу? Может, я отстал от жизни? Почему они могут жить с такой кашей в голове? Я ничего не понимаю», – решил он для себя и, достав записку майора из кармана, еще раз прочел ее и решительно направился по указанному в ней адресу. Идти оказалось долго, и пройдя какое-то расстояние, он все же решил добраться на такси. Вскоре возле него остановились коричневые «Жигули» с шашечками и водитель, выслушав адрес, попросил пятьдесят рублей. Минут через десять он был уже возле дома, указанного в записке. Поблагодарив таксиста и протянув ему затребованные деньги, учитель вышел из машины и проследовал к дому. Найдя третий подъезд, он решительно вошел и, поднявшись на четвертый этаж, как было указано в записке, достал из кармана монетку, с ее помо-

щью открыл металлическую дверцу, закрывавшую электрический счетчик, осторожно пошарил рукой, чтобы не ударило током, нащупал пальцами что-то плоское и, достав его, понял, что это и есть ключ. Подойдя к двери с номером 31, открыл ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.